

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ

Аннотация. Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и первых лет послеоктябрьского развития, констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Так был поставлен вопрос о необходимости создания теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX столетия. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общества из тупиков капитализма, не ввергнуть его в другие тупики – тупики авторитарно-бюрократической системы. В этой связи анализируется сделанный Лениным вклад в теорию обновлённого социализма. Ставится далее вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в современную социально-преобразовательную теорию, что отброшено («мёртвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI столетия.

«Ленин - одна из сложнейших фигур в мировой истории...

Это человек, чья мысль и воля явились в руках истории орудием, наверное, самой крупномасштабной из когда-либо предпринятых ею "проб" и едва ли не тягчайшей из совершенных ею "ошибок". И вместе с тем человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить движением не назад, а вперед. Вождь революции, толкнувшей Россию на тупиковый, гибельный путь, и - мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее перспективу спасения, которая и нынче лишь брезжит перед нами вдали».

Юрий Буртин. Другой социализм. «Красные холмы»

Да, эпитафия – немного необычный. Во-первых - слишком длинный («нормальный» эпитафия должен быть афористичным и кратким). И, во-вторых, он не вполне совпадает с главной идеей моей статьи («нормальный» эпитафия должен высвечивать центральную идею автора будущего повествования). А для меня неприемлемы все эти категоричные, чересчур негативные оценки: «Толкнувший Россию на тупиковый, гибельный путь» (имеется в виду Октябрь и его последствия), «человек, чья мысль и воля» привели страну к одной из «тягчайших» в её истории "ошибок". Это всё – не моё.

Но для меня этот эпитафия (кстати, моего близкого – и, увы, покойного – друга, с которым мы не раз выступали соавторами статей, остро критически оценивавших современное, постперестроечное, состояние России – тут мы с ним были полными единомышленниками), для меня, повторяю, этот эпитафия важен, ибо в нём афористично и точно высвечивается главная для меня мысль, что Ленин – это «человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить *движением не назад, а вперед* (курсив мой – Г.В.)». И ещё более важная констатация: «Вождь революции...и - мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее (России) перспективу спасения, *которая и нынче лишь брезжит перед нами вдали* (курсив мой – Г.В.)». Вот это – моё, целиком и полностью.

И ещё. Эпитафия этот, содержащий как позитивные, так и негативные оценки Ленина, подготавливает читателя к тому, что и у меня не будет односторонней апологетики Ленина, что и у меня рассказ о достижениях ленинской мысли («живой воде», мощно стимулирующей сегодняшние теоретические поиски) будет сочетаться с критикой весьма существенных идей ленинизма (которые, подобно «мёртвой воде» - если её не выплеснуть – могут погубить ростки ленинского теоретического новаторства).

Х Х Х

Расхожий афоризм: «Единственное, чему учит история, это то, что она ничему не учит».

Да, так оно чаще всего и происходит: история ничему не учит, и, решая сегодняшние проблемы, люди расшибают лбы о те же стены, что и их предшественники.

Но история *может* научить. Только надо уметь у неё учиться. Уметь увидеть в истории ситуации, сходные с нынешней. Вглядеться, как решали возникавшие проблемы люди той поры, что им удавалось, и где они проваливались. Извлечь уроки из того и из другого. Понять причины провалов и постараться сегодня избежать их. Зафиксировать «удачи» и, оттолкнувшись от них, двинуться дальше, дополняя найденные когда-то решения новациями, соответствующими современным реалиям.

В послеоктябрьской России 20-х годов ситуация напоминала нынешнюю. И проблема (не всеми идеологами и политиками тех лет осознаваемая) объективно состояла вот в чём: как, избавляясь от губительных отношений капитализма, не угодить в тупики тоталитарной системы?

Мыслителем, кто в те далёкие годы понял эту задачу и попытался её решить в теории и на практике, был В.И. Ленин. Правда, осознал он её не сразу, лишь в самом конце своей жизни. Но успел (в своих последних статьях, диктовках, письмах, совокупность которых называют его «Политическим завещанием») положить *начало* её решению. К сожалению, лишь *начало*. Но начало в высшей степени плодотворное, хотя и не получившее продолжение ни в теоретических работах самого Владимира Ильича, ни, что особенно печально, в практической деятельности послеленинского поколения политиков. Золотая нить новой, многообещающей теории социального развития была оборвана в самом начале.

Вот бы сегодня подхватить концы этой нити и продолжить её, сообразуясь с нынешними обстоятельствами.

В чём же ценность завещаний Владимира Ильича? Что мы могли бы взять у него сегодня? Что им было недорешено? Где он ошибался? И какие коррективы и дополнения следует внести в его теоретико-политическое Завещание? Почему идеи его Завещания не были подхвачены и развиты последующим поколением политиков (вследствие чего мы и угодили в зловещие тупики тоталитарного «казарменного коммунизма», а затем – в конце XX века – в тупики государственно-олигархического капитализма)? Было ли в предлагаемых им решениях нечто такое, что облегчало приход к власти сталинщины и от чего, в силу этого, мы должны сегодня решительно откреститься?

Вот примерный круг вопросов, о которых и пойдёт речь в данной статье.

Ленинское наследие: живая вода

Тот Ленин, который в высшей степени актуален сегодня, начинается удивительным (мало кем замечаемым и мало кем понимаемым) утверждением: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин, т. 45: 376] (6 января 1923 года, статья «О кооперации»). Именно здесь, в этом тезисе, - главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму.

В чём эта принципиальная, поистине революционная, новизна состояла? Двинемся, шаг за шагом, по ступеням ленинского теоретического восхождения.

То, что капитализм с его «кричащими» (любимое ленинское словцо!) социальными противоречиями, жестокой эксплуатацией, экономическими и политическими кризисами, порождающими кровопролитные войны, должен быть преодолён, это в XIX веке понимали многие. И призывали: одни – к глубоким, радикальным реформам, другие к «содрогающим» весь социальный мир революциям.

Наиболее разработанной и потому наиболее убедительной теорией рождения нового, приходящего на смену капитализму, строя была теория Маркса. Идеями, лозунгами этой теории руководствовались русские революционеры-большевики, первыми в истории приступившие к практической реализации идей Маркса. И преуспели: взяли власть в Октябре 1917 года, отстаивали своё право руководить страной в гражданской войне и стали продвигаться по пути строительства новой, «марксистской», «социалистической» России. И вот посреди этого, казалось бы, такого успешного революционного похода вождь большевиков вдруг решительно и категорично заявляет: нужно пересмотреть (и к тому же «коренным образом») все те установки и теоретические постулаты, которым они следовали.

Призыв вождя, действительно, был шокирующим.

Поражает теоретическая смелость и политическая честность Ленина. Ведь можно было, как обычно поступают политики, пересматривающие свои позиции, сказать: «Мы хорошо начали – в Октябре. Мы победили в гражданской войне. Власть мы держим крепко и в будущее смотрим уверенно. Но сейчас несколько изменились обстоятельства, и нам поэтому надо уточнить и несколько скорректировать некоторые наши прежние установки».

Это был бы не Ленин. Речь, ведь, шла не о второстепенных «поправках», не о каком-то лёгком косметическом ремонте, а о смене исторических Вех, о радикальном изменении Курса. И потому сказать об этом надо было ясно, громко, открыто, без запутывающего суть дела лукавства. Юрий Буртин хорошо прокомментировал эту черту ленинского стиля: «совсем не похоже на нынешний стиль» общения политиков с гражданами страны. «Нам, - пишет Буртин, - привыкшим слышать из уст властей только похвалы своей деятельности и её результатам (а при явной катастрофичности последних - неопределённые признания в самой общей форме: да, были ошибки, но...), даже как-то странно читать такие, например, ленинские строки: «Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации

начистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приёмы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение... Классов обмануть нельзя... Во всяком случае не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямоком» (X съезд РКП, доклад о продналоге. [Десятый съезд РКП(б): 40])».

Конечно, для соратников Ленина это был шок. Его последние, «пересматривающие», статьи, идеи его «Завещания» плохо воспринимались узко и догматически мыслящими наследниками Владимира Ильича во главе со Сталиным. Прилагалась масса сил и хитростей, чтобы замолчать начатый Лениным «пересмотр». С его «завещательными» статьями и письмами знакомили выборочно, лишь узкий круг партийного чиновничества. А когда всё же вынуждены были (под давлением Ленина) отправлять их в региональные партийные организации, то сопровождали их «разъяснениями» ЦК, в которых намекалось, что Ленин очень болен, что, в силу этого, он оторван от текущих дел и потому надо осторожно относиться к его советам и рекомендациям. А одну из главных его статей («Лучше меньше, да лучше»), которую партийно-чиновничья бюрократия сочла наиболее для себя опасной, вообще пытались не пустить в печать. И даже (поскольку Ленин категорически настаивал на её публикации) всерьёз обсуждали возможность реализации предложения одного из сталинских сподвижников (Куйбышева), что неплохо-де, для успокоения Ильича, напечатать её в «Правде» в одном (только для Ленина!) экземпляре. Первые зловещие звонки будущего политического маразма!

Своим прежним, абсолютным авторитетом больному Ленину удавалось проламывать сталинские (похожие на тюремные) стены и добиваться публикации своих статей. Ощущал, однако, что нет уже жизненных сил и жизненного времени, чтобы довести свои новые идеи до конца, чтобы убедить партийную массу принять их как руководство к действию. Сталин, которому Политбюро поручило опекать тяжело больного Ленина, устроил всё так, так изолировал его от встреч с товарищами, от знакомства с новостями

политической жизни, что Владимир Ильич однажды заметил Крупской, что он ощущает себя, словно запертым в тюремных застенках.

Что же это были за идеи, которых так страшились его наследники, которые они глубоко закапывали и которые мы попытаемся откопать и вновь вернуть к жизни, идеи, которые, как живая вода, способны быть истоком современных теорий социальных преобразований?

Это были поистине грандиозные идеи, переворачивающие все прежние представления социалистов. Это был, действительно, «коренной» пересмотр всех прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. И эти идеи должны вернуться к нам сегодня. В них ключ к пониманию противоречий современной социальной реальности, к ответам на драматические вызовы нашего времени.

Что же «пересматривал» Ленин? Какие идеи, какие концепции он призывал отбросить?

Прежде всего – всю прежнюю экономическую стратегию и фундаментальные положения социалистической теории, её определявшие.

В чём была суть прежней «точки зрения» на социализм, которую призывал пересмотреть Ленин?

Вот её основные параметры.

Возглавляемые Лениным большевики шли на Октябрьскую революцию с идеей строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало: 1. Уничтожение частной собственности¹; 2. Построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по спускаемому сверху, из центра Плану²; 3. Создание новой политической системы: народная власть в форме Советов; 4. Приход к власти

¹ «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.4 С. 438)

² «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С.101). «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17.С. 127).

через революцию, политическое насилие и продолжение «социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

И вот через три с половиной года после «успешного», «победного» Октября Ленин констатирует, что все эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (да и вообще мало-мальски приемлемого для общества) - результата. Следование им ведёт страну в тупики, социально-экономическое и социально-политическое болото, ввергает общество в тяжёлые кризисные ситуации.

Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности – и в сфере экономики, и в сфере политики. В этих целях «мы» (то есть большевики) сразу, после Октябрьской победы уничтожили (как и советовал Маркс) частную собственность на крупное промышленное производство, национализировали все основные институты частной собственности и попытались наладить взаимодействие между классами и социальными слоями, не прибегая к традиционно капиталистическим методам – торговле и рынку. «Мы» пытались организовать прямой, непосредственный обмен продуктами. «Мы» готовились к планово-государственному распределению всех продуктов и всех вообще ресурсов.

Формировалась, в результате, система так называемого «военного коммунизма», одним из ведущих принципов которого в отношениях между классами (пролетариатом и крестьянством), между государством и многомиллионной массой крестьянского населения, был принцип «продразвёрстки». Государство «верстает» план взятия у крестьян хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска промышленной продукции, выплачивая из госбюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по развёрстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам - и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин, т. 44: 157]. И тоже, по

идее, крестьянам (также, примерно, как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу бедности, разрушенности хозяйства страны (после 1 мировой войны и революционных потрясений) платить толком было нечем. И приходилось, скрепя сердце, прибегать к не очень симпатичным и не очень гуманным мерам. «Мы брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги (которые тогда были ничего не стоящими простыми бумажками – Г.В.)» [Ленин, т. 43: 219-220]. Это была тяжёлая и жестокая мера. Но крестьяне, во время гражданской войны, её приняли. Было понимание: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты тех же крестьян от помещиков и крупных землевладельцев, которым руководители белого движения обещали вернуть конфискованную, национализированную и переданную большевиками во владение крестьянам собственность. Крестьянам была понятна мысль Ленина: «Иначе (как прибегая к «военному коммунизму») и «продразвёрстке» - Г.В.) победить помещиков и капиталистов в разорённой мелкокрестьянской стране мы не могли» [Ленин, т. 43: 220].

Крестьяне, повторяю, приняли политику «военного коммунизма» с её «продразвёрсткой». Но приняли, как необходимую, но *временную* меру. И потому, когда после победы в гражданской войне большевики попытались продолжить «коммунистическую» политику продразвёрстки, крестьяне сказали: Нет! Довольно! После того, как угроза помещичьей реставрации миновала, они уже отказывались по-старому, по-военно-коммунистически, без всякой меры отдавать продукты своего труда государству. Они много веков всё работали «на кого-то» - на дворян, помещиков, купцов, бурмистров. Теперь они желают поработать «на себя». А им подсовывают нового «хозяина» - государство. Зачем тогда революция?

Большевики натолкнулись на стену, на решительное сопротивление крестьянской массы. «К весне 1921 года, -

констатировал Ленин, - выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом перейти к социалистическим основам производства и распределения» [Ленин, т. 44: 204]. И – «поражение» более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более существенное и опасное» [Ленин, т. 44: 159].

И самое главное, что тяжесть, опасность и масштабы этого поражения были связаны с ещё более значительным фактором, чем сопротивление крестьянства социалистическим мерам. Этим мерам сопротивлялась сама История. Тупиковость ситуации вызывалась и более фундаментальными причинами.

У большевиков была неколебимая уверенность, что дорога в светлое будущее идёт через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Всё – через государство, и ничего – помимо государства! Они огосударствили крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, «огосударствили» деятельность рабочего класса. Осталось только «огосударствить» крестьянство: каждого крестьянина, каждое крестьянское хозяйство сделать частью той общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал создать Ленин. И вот тут-то и выяснилось, что не только крестьянин не желает быть «деталью», «винтиком» общенациональной «фабрики», но и что в принципе невозможно «огосударствить», подключить к единой плановой экономике миллионы мелких, самостоятельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Они атомизированы, между ними не протянуты связующие экономические нити. Их можно соединить, сделать частью единого экономического «конвейера» только двумя способами: либо продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, применённый впоследствии сталинцами, вариант губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны в целом, ибо безмерное и жестокое насилие *в мирное время* – путь к социальной

катастрофе), либо – торговлей, рынком³. По второму, гуманистическому и экономически эффективному, пути и предложил пойти Ленин.

Давайте запомним эту дату: 8 февраля 1921 года. Идет заседание Политбюро, решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от шумной дискуссии и на клочке бумаге набрасывает строки: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене развёрстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней развёрсткой. 3. Одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога».

Так зародилась новая экономическая политика – знаменитый НЭП.

А потом будет 15 марта 1921 года. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене развёрстки натуральным налогом». И первый пункт принятой съездом резолюции: «...развёрстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [Десятый съезд РКП(б): 608].

Всё! Новая экономическая политика становится официально принятой стратегией развития страны.

Пункт второй резолюции разъяснял: «...налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путём развёрстки обложения» [Десятый съезд РКП(б): 414]. После сдачи такого, значительно уменьшенного (по сравнению с развёрсткой) налога у крестьян будут оставаться запасы (именуемые несколько нелепо: «излишки») хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов – с которыми он волен будет поступать по своему (а не «государственному») усмотрению. Таким образом и будет

³ «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226.

возрастать объём работы крестьянина не «на государство», а «на себя», что резко повысит мотивацию его деятельности, производительность его труда (от чего, между прочим, выиграет и государство). «Всё дело в том, - разъяснял на X съезде Ленин, - чтобы дать крестьянам стимул, побудитель, с точки зрения экономики. Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты хозяин (а не крепостной государства – Г.В.), производи продукты, а государство берёт минимальный налог» [Десятый съезд РКП(б): 414]. А оставшиеся у тебя, после сдачи налога, продукты ты можешь вынести на рынок, пустить в «оборот»⁴. «Этот самый «оборот» - стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес (работа «на себя»! – Г.В.), потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее» [Десятый съезд РКП(б): 413].

Иной читатель может удивиться тому, что мы с таким пафосом, так возвышенно пишем об этом сюжете – замене развёрстки продналогом. Даже предлагаем запомнить какие-то даты, связанные с возникновением этой идеи. «Подумаешь, какое событие, - возможно, воскликнет он, - понизить крестьянам налог, дать им возможность образовавшиеся излишки открыто, легально, не «из-под полы» продавать на рынке и не бояться при этом, что их обвинят в «спекуляции», в нарушении государственной хлебной монополии. Ну, подправили немного налоговую, фискальную систему систему. Эка важность...».

А между тем, важность эта громадная, можно даже сказать (не боясь впасть в преувеличение) – всемирно-историческая.

Это был не просто ремонт фискальной системы. Это был настоящий социально-экономический переворот – на практике, это

⁴ Резолюция X съезда РКП(б). Пункт 8: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Появилось важное слово «оборот», - синоним «торговли», «рынка» - слова, изгонявшиеся прежде Лениным из социалистического лексикона.

была предпосылка пересмотра основ прежней социалистической теории.

Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» - это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, в стране, взявшей курс на социализм. А тут, пожалуйста, - распахивают двери капитализму. Так, весь парадокс, так, всё дело и состояло в том, что только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в мелкокрестьянской стране. Это был ленинский ответ на задачу, «как строить... социалистическое здание в мелкокрестьянской стране» [Ленин, т. 44: 151]: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что ... капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, *без этого жить нельзя* (курсив мой! – Г.В.)» [Ленин, т. 45: 85-86].

Вот так: через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается новая, необычная социально-экономическая система: «социализм», дополняемый «капитализмом», или: «капитализм», окружённый «социализмом». Система, которую можно было бы обозначить, как «социализм-капитализм», или «капитализм-социализм» и которую Ленин назвал «государственным капитализмом».

С этим понятием Ленин выходит на принципиально новый уровень теории и потому в нём надо основательно разобраться. Тут масса теоретических тонкостей, которые нельзя упустить.

После доклада на X съезде о нэпе Ленин в заключительном слове заметил: «...то, о чём здесь многие, и даже большинство (! – Г.В.), из высказавшихся ораторов говорили в своих речах и на что указывается в поданных записках, это – неизбежное усиление мелкой буржуазии, буржуазии и капитализма. «Вы таким образом открываете настужь, - писали некоторые в своих записках, - для

развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений» [Десятый съезд РКП(б): 440]..

Вот ведь как: большинство участвовавших в прениях по ленинскому докладу полагает, что в результате нэпа страна скатится к капитализму (зачем тогда делали революцию?). Они против такого «скатывания».

А за пределами большевистской партии, в среде меньшевиков, эсеров и европейских социал-демократов, такое «скатывание» приветствуется: большевики, наконец, повернулись лицом к реальности. Для социализма в России сейчас нет условий. Реален только буржуазный путь, о чём, кстати, мы (меньшевики и эсеры) говорили накануне Октябрьского переворота. Но большевики тогда нас не слушали. Вот и вынуждены теперь, после революционного эксперимента Октября, дорого стоившего российскому обществу, вернуться к тому, что мы им когда-то говорили. Ленин, в своём докладе на XI съезде приводит сентенцию Отто Бауэра, одного из лидеров : «Вот они отступают; мы всегда говорили: революция – буржуазная»⁵.

Да ничего подобного, энергично возражает Ленин, ни к какому собственно капитализму мы не скатываемся. Мы поворачиваемся не к капитализму, как таковому, а – к особому типу капитализма, который собственно классическим типом капитализма не является, ибо допускаемые нами капиталистические отношения окружены высоким социалистическим забором. У нас не «капитализм» возникает, а смешанное единство «социализма» и «капитализма». Это принципиально новое, невиданное в истории социальное образование. Это не подавление капитализмом социализма, но и не подавление социализмом капитализма. Это – «соревнование государственных и капиталистических предприятий», это – «практическое соревнование способов капиталистических и способов наших (то есть социалистических – Г.В.)» [Ленин, т. 45: 89].

Для социалистов, большевиков, смысл такого соревнования: учиться у капиталистов – работать организованно, напряжённо, стремясь получить возможно более высокую прибыль (которая будет использована для укрепления и развития страны). Учиться, ибо «за этот год, - отмечал Ленин, - мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем» [Ленин, т. 45: 80]. А «рядом действует капиталист... берёт прибыль, ...он умеет» [Ленин, т. 45: 79]. А то «прибыли у вас нет, - обращается Владимир Ильич к неумёхам-коммунистам, - принципы коммунистические, идеалы хорошие, - ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете?» [Ленин, т. 45: 79]. Так, учитесь у капиталистов и через эту учёбу повышайте силу социалистического уклада – не подавлением оппонентов (с помощью разных силовых структур во главе с ЧК, как практиковалось впоследствии у сталинистов), а обучением у них. Стремитесь продемонстрировать своё историческое превосходство цивилизованными, экономическими методами. «Нам надо выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом» [Ленин, т. 45: 81].

И, наконец, главную особенность нэпа, его место в историческом ряду мирового социального развития Ленин видит в том, что нэп – не просто какая-то на время провозглашённая тактика экономической деятельности, а, по сути, - новая общественная формация, которая имея черты социализма и капитализма, тем не менее, не является ни тем, ни другим. Ленин называет это новое формационное образование «государственным капитализмом».

«Что это ещё за мудрствования насчёт «капитализма-социализма», «социализма-капитализма»? – восклицали воспитанные на догмах «научного социализма» ленинские оппоненты внутри большевистской партии. – В какой книжке Маркса можно вычитать подобную ересь? И что тут принципиально «нового» в понятии «государственного капитализма?». «Госкапитализм есть капитализм, - возражал Ленину Преображенский, - и только так понимать можно и должно» [Ленин, т. 45: 117].

И – резкий ответ Ленина: «Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые (!- Г.В.) теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад» [Ленин, т. 45: 117]. И не нужно «заглядывать» «в старые книги» - там написано совершенно не про то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было написано про тот государственный капитализм, который бывает при коммунизме» [Ленин, т. 45: 84]. Наш государственный капитализм – «это - капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно не предвиденный» [Ленин, т. 45: 117-118]. Наш государственный капитализм – «не тот, о котором писали немцы. Это капитализм, допущенный нами... Капитализм мы допустили, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» [Ленин, т. 45: 119, 120].

Таким образом, наш государственный капитализм – не собственно «капитализм». Он – только наполовину капитализм, а наполовину – социализм. Эти «половинки» нашего госкапитализма будут соревноваться друг с другом, конкурировать друг с другом, они будут ограничивать и дополнять друг друга. Это будет соперничество и сотрудничество одновременно. Их соперничество, их соревнование даст сильный толчок развитию и сельского хозяйства, и промышленного производства. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Со своей стороны, социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет существенно ограничивать эгоистические, эксплуататорские устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее

дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая, можно сказать, в «капитализм с человеческим лицом».

В связи со всем этим Ленину часто задавали вопрос его однопартийцы: «А не проиграем ли мы в этом соревновании? Ведь капитализм, как вы сами говорите, опытнее нас и превосходит в умении вести дело».

Вопрос не праздный. И Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в соревновании с капитализмом достаточно велика. Но у нас, уверял он, есть все шансы, чтобы избежать поражения, чтобы цивилизовать, ограничить капиталистические устремления. У нас есть все шансы, чтобы оптимистически смотреть в будущее.

В чём эти шансы заключаются? Почему мы можем оптимистически смотреть в будущее? «В чём наша сила» [Ленин, т. 45: 95]? – ставит вопрос Ленин. И отвечает, делая акцент на трёх факторах:

1. «Политическая власть» - в наших руках.
2. «Основная экономическая сила – в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – они все в наших руках»⁶.
3. Наконец, что крайне важно, мы идём на сотрудничество, на блок не со всеми частями капиталистического класса – только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») отсекаем. Их основную часть мы убрали с общественной арены в первое же время после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было важной предпосылкой возможности (и успешности для нас) новой экономической политики. Экономически соревноваться с крупным капиталом

малосильному в то время социалистическому хозяйственному сектору было бы не под силу.

Поэтому, утверждал Ленин, у нас есть все шансы успешно выйти из всех тупиков, в которые нас завела прежняя, военно-коммунистическая, политика и вступить на дорогу экономического прогресса.

Мы сказали, что предпосылкой успеха новой экономической политики является исключение из блока с капитализмом крупных капиталистических собственников. Но тут есть одно, но очень важное исключение. В этот блок всё-таки допускается крупный капитал, но лишь в одной форме – в форме зарубежных концессий. «Концессии, - подчёркивал Ленин, - это блок с капитализмом передовых стран», «это экономический союз, блок, договор с передовым финансовым капиталом, в передовых странах» [X съезд РКП(б): 443]. Так что монополистический, олигархический капитал, по предложению Ленина, всё же будет допущен. С одним «но»: это будет *зарубежный* капитал, у которого не будет возможности доминировать в экономическом блоке нэпа и которому нет нужды доминировать политически. От его возможных политических поползновений страна защищена всей мощью государства трудящихся, в том числе и военной. Да, экономически, не скрывает этого обстоятельства Ленин, он в первое время будет эксплуатировать нас весьма основательно. Да, значительно больший объём экономических выгод от нашего с ним сотрудничества будет доставаться ему, крупному зарубежному капиталу, мы же получим лишь небольшое увеличение продуктов. И – ничего! И – пусть! Пока нам всё равно это выгодно. «Если мы дадим руду или лес концессионеру, - разъясняет Владимир Ильич, - он возьмёт громадную долю этого продукта и даст нам небольшое долевое отчисление. Но для нас так важно увеличить количество продуктов, что и небольшое отчисление есть громадный плюс для нас. Небольшое улучшение положения городских рабочих, которое при помощи концессий будет обеспечено по договору и которое заграничному капиталу не представляет ни малейшей трудности, даже оно есть плюс, есть укрепление нашей крупной

промышленности. И это, благодаря экономическому влиянию, послужит для улучшения положения пролетариата, для улучшения положения того класса, который держит в своих руках государственную власть» [X съезд РКП(б): 443].

Вот такой оригинальный союз намечает Ленин: союз, блок с зарубежным крупным капиталом для упрочения национального социалистического сектора, для усиления его позиций в соревновании с национальным мелким и средним капиталом. И это не утопический замысел. Крупный зарубежный капитал пойдёт (и практика показала – шёл!) на этот союз, ибо получал значительные экономические выгоды. Дотянуться до руля политической власти нашей страны у него не было ресурсов. Да ему и не нужны были *политические* выгоды. Ему с лихвой хватало *экономических*.

И, наконец, завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего новую экономическую политику и сформулировавшего её основополагающие принципы. В этой, принятой X съездом, концепции недоставало, как потом выяснил Ленин, очень важного звена. Там говорилось о соревновании социалистических и капиталистических элементов, крестьянского мелкобуржуазного хозяйства и плановой государственной экономики, о соревновании, которое должно было способствовать ускорению хозяйственного развития. Но оставался вопрос: а что же это «мелкое крестьянское хозяйство» так и будет оставаться на долгие и долгие годы в пространстве частной собственности, в пространстве капитализма? А нельзя ли найти пути, чтобы в ходе вышеназванного «соревнования» крестьянин приближался к коллективистским, социалистическим формам деятельности?

И вот эта форма была Лениным найдена - кооперация.

«Благодаря нэпу», пишет он, «кооперация получила у нас совершенно исключительное значение» [Ленин, т. 45: 369]. И дальше ещё громче, ещё значительней: «...теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России»

[Ленин, т. 45: 369-370]. И – поясняет, в чём состоит это «гигантское, необъятное значение» кооперации: «...теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса..., степень подчинения его общим интересам» [Ленин, т. 45: 370]. Через кооперацию, то есть через совместную деятельность мелких частных собственников в различных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь своим частным интересом, крестьянин вступает в коллективистскую, потенциально социалистическую, сферу деятельности – вначале эпизодически, потом, видя пользу для себя объединения, кооперирования с себе подобными, делает дальнейшие шаги, укрепляя и развивая свои общественные связи. Иначе говоря, его «частный интерес» подталкивает его к коллективной, кооперативной деятельности, которая, вместе с социалистической деятельностью рабочего класса на государственных предприятиях, будет способствовать построению социалистического общества. Так, по Ленину, будет решаться задача – «чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [Ленин, т. 45: 370].

Для Ленина приход к идее кооперации, как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путём возможно более *простым, лёгким и доступным*» [Ленин, т. 45: 371] значил многое: его концепция новой экономической политики получила достойное завершение. Без этого, открытого Лениным, звена новая экономическая политика была неполна, ущербна. «Мы перегнули палку, - пишет он, - переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации» [Ленин, т. 45: 371].

Теперь найдены все звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить не только хозяйственный прогресс страны, но и её прогресс в движении к социализму – в его новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «В самом деле, - пишет Ленин, - власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках

пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации» мы получили бы «всё необходимое для построения полного социалистического общества». «Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения» [Ленин, т. 45: 370]; «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [Ленин, т. 45: 373].

На этом создание концепции новой экономической политики (а по сути, концепции «нового социализма») было завершено. Сопряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии), с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – **таковы главные черты этой новой теории послекapиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма.**

Несколько добавлений для более глубокого и основательного понимания новизны ленинской точки зрения на социализм.

Нередко (или даже – как правило) нэп рассматривают не как новую концепцию социализма, а как некое временное «отступление» от «подлинного социализма». Минует-де время «отступления», и общество вновь вернётся к тому, прежнему, «нормальному» социализму. Так перечёркивается фундаментальная новизна ленинского теоретического поиска.

Да, у Ленина встречается характеристика нэпа как «отступления». Но если вдуматься, если повнимательнее вчитаться в ленинские тексты, то не трудно понять, о чём, о каком «отступлении», об «отступлении» от чего к чему идёт речь.

Да, мы «отступили». От чего и к чему? От «социализма» к «капитализму», чтобы по прошествии некоторого времени вновь вернуться к тому социализму, от которого временно «отступили»? Ничего подобного! Ленин мыслит иначе: мы «отступили» от ряда наших прежних нереалистических, утопических установок и надежд, мы забежали «вперёд»; не считаясь с реальностью и содержащимися в ней возможностями. Мы не в «социализм» забежали, от которого надо-де вернуться «назад», к капитализму. Мы забежали в Утопию, от которой надо вернуться к Реальности. И с точки зрения исторического развития, это не «шаг назад», а «шаг вперёд»⁷. Мы «отступаем», выскакиваем из тупика, где нет возможностей дальнейшего движения, из болота, в которое мы забрели, и где ожидает нас гибель. И Ленин находит способ выхода из этого болота на твёрдую грунтовую дорогу, по которой можно двигаться в будущее.

Ленин постоянно подчёркивает условность этого термина «отступление»: «мы сейчас отступаем, как бы (! – Г.В.) отступаем назад...» [Ленин, т. 45: 302]. В этом вся соль: мы не «отступаем», мы «как бы» отступаем, а в действительности делаем «шаги вперёд».

И ещё один важный аспект проблемы: соотношение нэпа и Октябрьской революции.

Ряд авторитетных (можно даже сказать, замечательных, талантливых) исследователей нэповской проблематики высказывают, однако, мысль, что нэп – это исправление ошибок, сделанных не только под влиянием прежней социалистической теории, но попытка исправления главной исторической ошибки большевиков – осуществлённой ими Октябрьской революции. Нэп представляется ими как отрицание Октября, который–де был

⁷ Именно так ставит вопрос Ленин: «...новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать (курсив мой – Г.В.)», «мы предпринимали (после Октябрьской революции – Г.В.) каждый день с величайшей поспешностью... различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И всё же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперёд (курсив мой – Г.В.), «государственный капитализм был бы шагом вперёд (а не назад, не «отступлением» - Г.В.) против теперешнего положения дел в нашей Советской республике», «госкапитализм», этот «несоциалистический элемент расценивается выше, признаётся вышестоящим, чем социализм». (Ленин, т. 45: 8, 279, 280).

«тягчайшей ошибкой», толкнувший Россию на «тупиковый, гибельный путь».

У меня другая точка зрения.

Новая экономическая политика, «оживлявшая» капитализм, открывавшая капитализму двери на арену хозяйственной деятельности, ставила задачу: использовать потенциал капитализма, не допуская, однако, возможности его победы над социалистическим укладом – что и было условием экономического прогресса российского общества. А возможность ограничения капиталистических тенденций теория нэпа связывала с тем, что политическая власть находилась в руках трудящихся и что были национализированы крупные капиталистические предприятия, и, следовательно, экономическая власть тоже была в руках Советского государства. Всё это было условием успеха нэпа.

Но ведь именно Октябрьская революция и создала эти условия: она привела рабочий класс и его партию к политической и экономической власти. Без этого был бы невозможен даже разговор о нэпе.

Но не только Октябрь был предпосылкой нэпа. Новая экономическая политика, со своей стороны, высветила истинное содержание Октябрьской революции: оно не сводилось к задачам собственно социалистического характера. Вот свидетельство на сей счёт самого Ленина. «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России, - пишет Владимир Ильич, - была задача буржуазно-демократическая (а отнюдь не социалистическая! – Г.В.), свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза прогресса в нашей стране» [Ленин, т. 44: 144]. И далее: «Мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры – Г.В.) восемь месяцев (после февральской революции – Г.В.) «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с земли русской до конца» [Ленин, т. 44: 146]. «Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*»

[Ленин, т. 44: 144-145], «это значит – очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, феодализма» [Ленин, т. 44: 145]. Без решения этих задач, осуществлённых Октябрьской революцией, все дальнейшие разговоры о «социализме», «госкапитализме», «кооперации», «концессиях», нэпе были бы абсолютно бессмысленны.

Не «тягчайшей ошибкой», а всемирно-историческим деянием была Октябрьская революция. Деянием, не лишённым целого ряда иллюзий и утопических установок. Вот их, и только их и стремился исправить нэп.

Это был, конечно, прорыв, новое слово в развитии социалистической теории. И это новое слово было реалистическим и эффективным – что сразу показала практика его реализации.

Но успехи нэпа оказались не долговременными. Через 5-6 лет после его провозглашения нэп был похоронен пришедшей к власти сталинской командой. Возвращались донэповские методы, родственные военному коммунизму. Плюралистическая экономическая демократия нэпа была заменена централизованной системой политического насилия, административно-командного диктата.

Причин этого много – и корыстные интересы бюрократии (возглавляемой сталинским руководством), и неумение (а чаще – нежелание) *экономическими* методами решать проблемы, возникающие при реализации нэпа. Но был ещё один фактор, облегчавший сталинцам возможность похоронить нэп. Это незавершённость, недоработанность, ограниченность самой стратегии новой экономической политики.

Да, при возникновении нэп был, можно сказать, «живой водой» для умиравшей экономики страны. Он, действительно, оживил её. Но в нэповской «реке» текла не только «живая», но и «мёртвая» вода, существенно снижавшая качество и живительную силу воды «живой».

Ленин не смог (или не успел?) избавить нэповское течение от этой «Мёртвой воды».

«Мёртвая вода» эпохи нэпа

Нэп был плюралистической экономической демократией (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская демократия всё время натыкалась на недемократические политические стены. Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времён военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жёсткий централизм. Экономическая демократия не могла нормально функционировать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях политической диктатуры.

Великий политический диагностик, Ленин хорошо различал симптомы этой социальной болезни. «Наш аппарат», писал он, «ровно никуда не годится, нужна «переделка нашего аппарата» [Ленин, т. 45: 376]. Он весь пропитан бюрократизмом, «комчванством», он оторван от масс. «Коммунисты стали бюрократами» [Ленин, т. 54: 180].

В обыденном сознании «бюрократизм» обычно не рассматривается, как какое-то масштабное и очень опасное социальное зло. Ну, это – волокита, культ бумажки (за которой не прослеживается человек). В действительности бюрократизм – это особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности тщательно скрывается от граждан. «Всеобщий дух бюрократии, писал Маркс, - есть тайна, таинство... соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде иерархией организаций, а по отношению к внешнему миру – её замкнутым, корпоративным характером» [Маркс, т.1: 272]. Бюрократу абсолютно безразлично народное мнение. Он знает: не от народного мнения зависит его жизнь и карьера, а от благосклонности его начальника. Отсюда – высокомерие,

пренебрежительность по отношению к нижестоящим и угодничество, лизоблюдство по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, однажды заметил знаменитый народнический публицист Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на неё снизу вверх - восходящая лестница господ, если смотреть на неё сверху вниз – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно!

Бюрократизм – это система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «*Авторитет* есть... принцип её (бюрократии – Г.В.) знания и обоготворение авторитета есть её *образ мыслей*» [Маркс, т.1: 243]. Бюрократизм – это система, замешанная на политическом насилии, произволе и волюнтаризме. «Бюрократия хочет всё сотворить...она возводит волю в *cause prima*(в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности» [Маркс, т.1: 243]. И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то это» [Ленин, т. 54: 180] , потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «*от этого врага мы должны очиститься*» [Ленин, т. 45: 15].

Ленин видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, - в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали - непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Конечно, эта цепочка не будет чересчур зловещей, если таким Авторитетом будет человек интеллигентный, не сгораемый честолюбием, не упивающийся своей огромной властью, умеющий ею цивилизованно, в интересах общества, пользоваться. Ну, например, такой, как Ленин, Луначарский, Чичерин. А если это будет человек вроде Берии, Ежова, Вышинского, Сталина, наконец?..

Нельзя, чтобы судьба страны и населяющих её людей столь капитально, столь абсолютно зависела от психических

особенностей и интеллектуально склада руководящей личности. Это для общества чревато страшными бедами.

Ленин, повторяю, видел эту чрезвычайно опасную, душашую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от неё эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять ...ряд перемен в нашем политическом строе, - взволнованно писал он в «Письме» к XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными» [Ленин, т. 45: 343].

К чему сводился этот предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о которых он написал не только в «Письме к съезду», но и в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)?

1. Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган *государственного* контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это - против бюрократизации госаппарата.
2. Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган *партийного* контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединённый с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточение власти в партии и государстве в одних руках.
3. Увеличить число членов ЦК партии. Фактор большей устойчивости, снижающий возможность раскола.
4. Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Насколько эффективными оказались эти предложения? Что показала практика?

О реорганизации Рабкрина (РКИ). Разговор об этом начинается пафосно: «Вот о каких высоких задачах мечтаю я...» [Ленин, т. 45: 406].

Редко, очень редко окрашивает Ленин свои мысли в такие эмоционально насыщенные тона. Видимо, побуждают к этому и «высота» задач, и опасность ситуации: нужно приложить все силы,

чтобы спасти страну от бюрократического спрута, удушающего общество, спасти как можно скорее, иначе - гибель.

О каких же «высоких задачах» мечтает Владимир Ильич?

«Я планирую, - пишет он, - ...слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом» [Ленин, т. 45: 406]. «Авторитетнейшая партийная верхушка» - это ЦКК (Центральная контрольная комиссия партии). «Рядовой» наркомат – это Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция).

В чём смысл такого «слияния» и что ждёт от него Ленин?

Ленин видит в этом слиянии важный инструмент дебюрократизации, демократизации государственной и партийной системы. Ведь, бюрократизм, как мы уже писали, это – власть, неподконтрольная народу. Значит, если желать преодолеть бюрократизм, надо поставить власть (и в государстве, и в партии) *под контроль* – такова основная ленинская идея. Что нужно для этого сделать?

Во-первых, объединить («слить») два контрольных органа: партийный (ЦКК) и государственный (Рабкрин). Рабкрин, контролируя работу госаппарата, будет иметь возможность опереться на авторитет и полномочия высшего партийного органа – ЦКК, а ЦКК обретёт дополнительную силу, опираясь на стоящие за Рабкрином массы рабочих и крестьян.

И, во-вторых, организационно, кадрово укрепить обе контрольные структуры: увеличить число членов ЦКК⁸, а разбухший аппарат Рабкрина свести до 300-400 служащих. В эту новую структуру должны войти «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых элементы действительно просвещённые, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», которые бы «не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьёзной поставленной цели» [Ленин, т. 45: 391-392].

⁸ «Я предлагаю съезду выбрать 75-100 (цифры все, конечно, примерные) новых членов ЦКК из рабочих и крестьян» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 384).

Вот так. Собрать несколько сотен таких замечательных людей и наделить их высокими контрольными функциями! И будут они контролировать и ЦК партии и Политбюро: будут «присутствовать на Политбюро и проверять все документы, ...практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая нижними местными и т.д.» [Ленин, т. 45: 386]. В результате в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола» [Ленин, т. 45: 387].

Члены этой новой организации «должны составить сплочённую группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (вот: и Сталина возьмут под контроль! – Г.В.), ни кого-либо из других членов ЦК (наркома Троцкого, руководителя питерских коммунистов Зиновьева и московских – Каменева! – Г.В.) не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомлённости и строжайшей правильности дел» [Ленин, т. 45: 387]. Увы, красивая утопия в стиле Фурье!

Кто будет подбирать несколько сотен этих прекрасных контролёров высшей власти? «Служащих Рабкрина мы (кто это «мы»? – по-видимому руководители партии – Г.В.) должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания (кто их будет «испытывать»? – ну, конечно, высшее партийное руководство, кто же ещё! – Г.В.)... Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты (кто это будет определять? – по-видимому, высшие партийные инстанции, которые потом и будут контролироваться подобранными ими людьми – Г.В.)» [Ленин, т. 45: 393].

Ну, и что показала практика? Ну, подобрали высшие партийные руководители (во главе с генсеком Сталиным) несколько сотен людей для новой организации (положив им, по совету Ленина, высокие оклады – в целях их «независимости»), поставили во главе верного сталинского оруженосца - Куйбышева (того самого, кто

высказал предложение напечатать статью Ленина в одном экземпляре «Правды» - пытался самого Ленина цензуре подвергнуть!). И начала эта новая организация «контролировать». Кого? Сталина (тщательно подбирившего её членов)? Предохранила она Политбюро от раскола? Да, нет, катастрофически этот раскол ускорила, став дубинкой в руках формировавшего её Сталина. С её помощью товарищ Сталин хорошо «проконтролировал» своих соперников из Политбюро – Троцкого (исключил из партии и вышвырнул из страны), Зиновьева и Каменева (исключил из партии, арестовал, а после нашёл предлог, чтобы расстрелять)... А XII съезд, к которому с такой надеждой обращался Ленин, вопрос о Рабкрине даже не внёс в повестку дня и никаких намеченных Лениным полномочий ЦКК не предоставил (и не стал ЦКК органом, равноправным ЦК). Вот и вся история с реорганизацией Рабкрин и ЦКК. Не об этом «мечтал» Владимир Ильич!..

Хотя нельзя тут не обратить внимание на любопытную особенность ленинских мыслей относительно реорганизации Рабкрин-ЦКК: в них туманно, едва-едва, но просвечивает идея создания как бы второго центра власти, ограничивающего всевластие и всемогущество первого центра (ЦК, Политбюро) и получающего право контроля над ним (некий намёк на двухпартийность). Так, может, и стоило получше, поосновательнее прописать эту идею и довести её до логического конца в теории и до реализации её на практике?

И, может, потянула бы эта идея за собой другие, ещё более радикальные?

И, может, пришёл бы тогда Владимир Ильич к констатации того, что вообще «диктатура пролетариата» (которой, хотя и менее уверенно, но всё же держался он до последних дней) не может быть политической системой нового, основанного на нэпе, социалистического общества. Ведь нэп усиливал многообразие и разнообразие интересов социальных сил в обществе. И задача, следовательно, была – находить эффективные способы

согласования интересов этих различных социальных слоёв, групп, классов. А это возможно, только если эти различные социальные силы будут иметь своих политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придётся, как следует, продумать и механизмы согласования интересов, способы реализации согласованных ими программ действия. Это могут быть только *демократические* механизмы и способы. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» - всех, кто не согласен с навязываемой обществу «генеральной линии» правящей партии.

Значит? Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» не только на *экономическую* систему социализма, но и на «*диктатуру пролетариата*», на всю политическую систему, сложившуюся в период «военного коммунизма». Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая Политическая Политика (НПП)! А не просто «ряд изменений» в политическом строе. «Новая политическая политика», которая совершенно исключала бы слова: «Диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. Я представляю, насколько сложно было в тех, драматических, условиях 20-х годов придти к мысли о необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать концепцию Демократии применительно к российским условиям той поры и тем более воплотить её в жизнь. И всё же следовало бы, наверное, поискать приемлемых демократических форм, испробовать разные варианты, пусть иногда и рискованные.

Почему бы, в рамках Новой политической политики, не дать, например, возможность вернуться из эмиграции и появиться на политической арене страны конкурирующим с большевиками другим социалистическим партиям – меньшевикам и эсерам? Боялись, что их деятельность, их критика большевистской стратегии поколеблет советскую власть? Но, ведь, не побоялись же дать простор (пусть с определёнными ограничениями) капитализму

(оппоненту для большевиков более опасному, чем оппозиционные социалистические партии). А чего же так бояться социалистов других направлений? Ну, ограничились бы их возможности, как смогли ограничить капитализм. Ввели бы какие-то «правила игры». Исключили бы из этого возможного союза те фракции этих партий, которые стояли на почве *вооружённой борьбы* с Советской властью. Нелогично: не бояться капитализма и бояться социалистических партий, выступающих за мирную, демократическую конкуренцию и принимающих идеи нэпа.

Да, и знаменитый «философский пароход», в условиях Новой политической политики, можно было бы не снаряжать. Зачем выталкивать из страны несколько сотен талантливых, всемирно известных представителей русской интеллигенции? Многие из них были критически настроены к советской власти и большевикам? А капиталисты, которых допустили к сотрудничеству в условиях нэпа – они, что, были менее критичны? Но ведь допустили же. И устами большевистского вождя провозгласили: учиться у них хозяйствованию. А у той, отправленной за рубеж, интеллигенции нечему было поучиться? Провозгласили необходимость «культурной революции» - и цвет русской культуры выбросили за рубеж...

Может быть, стоило прислушаться к советам Розы Люксембург:

- «Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти, — создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию» [Люксембург, 1991: 331];

- «Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс» [Люксембург, 1991: 326-327];

- «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит

все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией» [Люксембург, 1991: 331].

Ещё раз: экономическая демократия нэпа нуждалась в помощи политической демократии. Фундаментальная экономическая реформа нэпа нуждалась в дополнении её фундаментальной же политической реформой. Предложенный Лениным «ряд политических изменений», шедших в общем и в целом в направлении демократизации общественного строя, эту фундаментальную задачу, однако, не решал.

Мы уже писали о провале идеи реорганизации Рабкрина и ЦКК как средства борьбы с бюрократической системой..

Также не привело к ожидаемому результату и другое ленинское предложение – об увеличении числа членов ЦК, как средства ограничения всевластия партийной верхушки, избежания раскола и условия «обучения цекистской работе» более широкого круга партийцев⁹.

Ну, выполнили завет Владимира Ильича. Увеличили количество членов ЦК. И что с «расколом»? Да, этим только ужесточили и ускорили его. Подбирал-то новых членов Центрального Комитета секретариат ЦК. А генеральным секретарём был товарищ Сталин. Всем были обязаны ему новые члены ЦК. И этот, расширенный, состав ЦК, вместо того, чтобы, по-ленински, обеспечивать коллективность руководства и предотвращать раскол, быстро и жёстко, по-сталински, разобрался с соперниками Иосифа Виссарионовича. И с успехом прошёл у Сталина курс «обучения цекистской работе»: научился ораторствовать с места, затыкая рот негодным Сталину ораторов (в том числе вдове Ленина, Надежде Константиновне Крупской, посмевавшей робко перечить новому вождю).

⁹ «Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже тройкой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшать наш аппарат, который из рук вон плох» (Ленин В.И. Полн. собр. соч.. Т. 45. С. 346-347).

Ну, и, наконец, - о предложении сместить с поста генсека Иосифа Сталина – человека, который «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и который, по мнению Ленина, вряд ли сумеет «достаточно осторожно пользоваться этой властью» [Ленин, т. 45: 345].

Снова Ленин загодя чувствует возможную опасность для общества, исходящую от этого человека. Но давайте поосновательнее вчитаемся в его «Письмо к съезду» и последим за аргументацией Ленина, касающейся необходимости отстранения Сталина от высокого поста, - насколько она убедительна.

Ленин делает акцент на грубости Сталина: «Сталин слишком груб... Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью, но с точки зрения предохранения от раскола... это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [Ленин, т. 45: 346].

Замечания эти, конечно, важны. Но здесь всё же нет главного: не показано, в какие чудовищные последствия может вылиться это соединение «необъятной власти» и то, что Ленин деликатно назвал «грубостью». Здесь нет ясно и чётко выраженного предостережения партии и народа по поводу этого политика.

Более того, Ленин называет Сталина (наряду с Троцким) «выдающимся вождём современного ЦК» [Ленин, т. 45: 346]. Но «выдающийся вождь» - «груб», поэтому сместите его с поста генсека. На чашах весов – две характеристики, данных Лениным Сталину: на одной – «выдающийся вождь», на другой – «грубость». Ну, разве какая-то там «грубость» может перевесить чашу с «выдающимся вождём»? И кто, скажите, не бывал «груб» в то сложное и «грубое» время? Да, и сам Владимир Ильич пишет, «грубость» - это «недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами» [Ленин, т. 45: 346].

Дальше – больше. Ленин предлагает на место генсека назначить другого человека, который отличался бы «от тов. Сталина только одним (! – Г.В.) перевесом, именно более терпим, более лоялен,

более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» [Ленин, т. 45: 346].

Начинаем искать такого человека среди руководителей партии. Зиновьев и Каменев? Но в том же письме Ленин счёл нужным напомнить, что «не является случайностью» «октябрьский эпизод» этих двух вождей (когда они выступили против восстания, сообщили об этом в открытой печати, выдав секретное решение ЦК»). Струсил. Предал. Все же помнят, что сам Ленин назвал их штрейкбрехерами, которых больше «товарищами» не считает, и потребовал исключения их из партии. А Сталин-то, хоть и был не слишком заметен в Октябрьские дни, но всё же не струсил, не предал. Куда же Зиновьеву с Каменевым соперничать со Сталиным?

Бухарин? Да, по ленинской характеристике, «самый выдающийся» «из молодых», «ценнейший и крупнейший теоретик», «любимец всей партии». И тут же: «но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [Ленин, т. 45: 345]. Ну, и куда же ему, «не вполне марксисту», человеку, не вполне понимавшему диалектику, соревноваться с генсеком (который всего лишь «груб»)?

Наконец, Лев Давидович Троцкий. Может он? Да, «выдающихся способностей» человек, и «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК» [Ленин, т. 45: 345]. Но тут же, как бы между прочим, Ленин напоминает о прошлом «небольшевизме» Троцкого (что, впрочем, смягчает он свою констатацию, не надо ставить ему «в вину лично»). Ну, хорошо в вину ставить не будем. Но всё же зачем-то упомянул Ленин это обстоятельство. А Сталин был большевиком всегда, неколебимым и твёрдым. Нет, и Троцкий, стало быть, ему не соперник.

В общем, как это ни больно признавать (ибо, конечно, Ленин и Сталин - антиподы и в политическом, и человеческом плане), но,

объективно, своим «Письмом к съезду» Владимир Ильич не только не дезавуировал Сталина, но, скорее поднял его над всеми другими вождями (субъективно, думаю, этого не желая). И вот то, что Ленин слишком поздно разглядел громадную опасность для народа и дела социализма, исходящую от Сталина, то, что он не нашёл весомых, убедительных аргументов в пользу его смещения с одного из самых высоких постов в партии – за это Владимир Ильич несёт серьёзную историческую ответственность.

Тем более случались поводы, когда обладающий непререкаемым авторитетом Ленин мог в одночасье сместить Сталина. Ну, хотя бы за его позицию в вопросах так называемой «автономизации», за поддержку поведения Орджоникидзе в так называемом «грузинском инциденте». «Если дело дошло до того, - писал Ленин, - что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия (к полемизировавшим с ним грузинским коммунистам - Г.В.)..., то можно представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна» [Ленин, т. 45: 356], «я думаю, тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [Ленин, т. 45: 357]. И далее, особенно остро и резко – с прозрачными намёками на Сталина и Орджоникидзе: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в национал-социализме (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым русским держимордой) тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности...» [Ленин, т. 45: 360]. Ну, и почему же такого «грузина» терпеть на высоком руководящем посту?

Или другой эпизод, о котором рассказано в записках Марии Ильиничны Ульяновой: «...узнав о болезни Мартова, В.И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», - сказал

ему Ст(алин). В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст(алина)». «Расстроен», «рассержен»? А почему бы не выполнить хамское и наглое предложение товарища Сталина – взять, да и поискать вместо него другого секретаря? Если бы можно было хоть немного, но переиграть историю...

В общем предложенные Лениным «перемены в нашем политическом строе» результата не дали. Строй не изменили, не предотвратили нашу страну от вползания в тоталитарную сталинскую казарму.

Ещё раз: нужен был не просто «ряд изменений» в политическом строе. Нужна была, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП), Новая Политическая Политика (НПП), которая совершенно исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. И снова – Роза Люксембург: «Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, *неограниченная широчайшая демократия* (курсив мой – Г.В.)» [Люксембург, 1991: 330];

Сопутствовавшая демократическому нэпу авторитарная политическая система и была той «мёртвой водой», от которой нужно уберечь программу и стратегию современного социализма.

Х Х Х

Эта, усваивавшая уроки прошлого, стратегия (для России), по-видимому, должна сегодня выглядеть так:

Общественная собственность + частная

Социализм + капитализм (исключая олигархат)

План + рынок

Национальная экономика + зарубежные Концессии

+ Кооперация

+ Широкая политическая Демократия

То есть: НЭП + НПП

И несколько важных добавлений к этому. Современная социально-преобразовательная стратегия невозможна без решения вопроса о роли нравственности в революционном (или шире – в политическом) процессе. Ленинские установки на сей счёт были подчас весьма неудачны, или, скажем мягче, весьма неосторожны. Они как раз из разряда той «мёртвой воды», от которой мы хотели бы уберечь теорию современного социализма. Критический анализ этих установок тем более необходим, что именно их (предельно, впрочем, огрубляя и доводя до абсурда) брала на вооружение сталинская команда.

Приступая к критическому анализу этих ленинских установок, я хотел бы сказать несколько слов о своеобразии этой критики.

Сейчас развелось много мудрецов, которые, надев домашний халат и комнатные тапочки, удобно устроившись у мягко светящей настольной лампы, начинают «вершить историю», повелевая давно ушедшими в небытие классами и политическими партиями, просвещая политических лидеров далёкого прошлого, вынося им оценки за поведение, а то и привлекая чуть ли не к юридическому суду. И кажутся они себе в эти моменты значительными политическими персонами, чуть ли не всемирно-исторического масштаба, запросто встающими «на равных», в один ряд, с Марксом, Энгельсом, Лениным, Чернышевским. Да даже не «на равных», а выше, значительно выше их, вечно «ошибавшихся», вечно говоривших и делавших что-то «не то».

Я хотел бы избежать такой интонации. Я бы хотел не поучать великих деятелей прошлого, а учиться у них, учиться на их достижениях и ошибках (выявляемых ходом истории). Я хотел бы относиться к «ошибкам» Владимира Ильича примерно так, как он сам относился, например, к «ошибкам» бесконечно ценимой им Розы Люксембург. «Мы, - писал он в своих знаменитых «Заметках публициста», - ответим на это (на попытки некоторых политиков скомпрометировать Розу отдельными её ошибками – Г.В.) двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза

Люксембург... несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [Ленин, т. 44: 421-422].

Жалки современные «куры», кудахтающие о «фундаментальных провалах» ленинской стратегии, не способные подняться до орлиного полёта ленинской мысли. Я же всего лишь констатирую, что, в силу разных причин, «орлиный полёт» Владимира Ильича иногда вдруг снижался и давал сбои. Вот об этих «иногда», о некоторых неудачных, неосторожных (способных обернуться большой бедой) его формулировках я и хочу сказать здесь несколько слов.

Итак, какие же «неудачные» формулировки Ленина имею я в виду?

Первая: в «марксизме... нет ни грана этики» [Ленин, т. 1: 440-441]. Вообще-то это сказал Зомбарт. Но Ленин принял и решительно поддержал этот тезис. Сталинцам очень нравилась такая, освящённая Лениным, установка. Никаких этически сдерживающих политическое действие факторов не существует, во имя намеченных целей «всё позволено» - так они трактовали ленинскую мысль, так они вершили свои дела на практике. Это было, конечно, страшное упрощение, огрубление ленинской мысли, доведение её до абсолютного макиавеллизма. У Ленина она имеет другой подтекст, а именно: *только* нравственная проповедь не способна поколебать (а тем более устранить) буржуазный, антинародный режим. Нужна организованная *политическая* борьба угнетённых и эксплуатируемых классов – в ней главный залог успеха. Но сформулирована эта, в принципе верная, мысль очень неудачно, что и облегчало сталинцам трактовать её в макиавеллистском смысле, приспособивая её к своему диктаторскому, тоталитарному режиму.

В таких принципиальных, важных формулировках не должно быть никаких двусмысленностей, должна быть совершенно

исключена возможность их интерпретации в макиавеллистско-сталинском духе. Должно быть ясно подчёркнуто, что марксизм – есть учение не за границами этики, а, напротив, - сама Этика, что марксизм, в сути своей, учение этическое, нравственное. Именно на это указывает сформулированная Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» главная цель социалистического общества: всестороннее и универсальное развитие «прекрасной индивидуальности», «свободное развитие каждого есть условие развития всех». Об этом – Маркс в Манифесте первого Интернационала: «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами». [Маркс, т. 16: 11]. Наконец, совершенно недвусмысленное определение Марксом сути своего учения: «Реальный гуманизм!» [Маркс, т. 2: 7,139,146].

И другой ленинский тезис: «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество» [Ленин, т. 41: 311]. Или, как обычно, в краткой форме излагают суть этой ленинской мысли: «Нравственно всё то, что служит созиданию «нового общества» (коммунизму, социализму...))».

Заметим, во-первых, что здесь Ленин признаёт-таки существование нравственности в марксизме (вот вам и «ни грамма этики»!). И при этом совершенно справедливо указывает, что нравственность эта должна быть связана с созиданием «нового» (социалистического) общества. Но вот характер этой связи формулируется Лениным неудачно («неосторожно») – что позволяет интерпретировать его в макиавеллистско-сталинском духе: «Всё, что приближает нас к желанной цели (коммунизму, социализму, как мы их понимаем) – всё допустимо, всё позволено, всё нравственно (цель оправдывает любые средства!)».

Надо бы поменять местами части этой формулы. И тогда она примет такой вид: «Всё, что нравственно, - служит будущему «совершенному», «новому» строю («коммунизму», «социализму»). То есть не приближением к «совершенному» строю (на разные лады понимаемому) оценивать нравственность действий, а нравственностью оценивать - к «совершенному» ли строю движемся или в какую-то другую сторону. Ещё раз: «Всё, что нравственно, то служит «социализму» (понимаемому как демократическое и гуманное «новое общество»). Не нравственность подчинять социализму, а социализм - нравственности!

«Неудачность», «неосторожность» формулировок я также связываю с тем, что в них политиком не всегда учитывается уровень политической (да и общей) культуры людей, к которым он обращается с тем или иным лозунгом. Опасно в неразвитое политическое сознание вносить идеи и лозунги, которые это сознание не способно адекватно интерпретировать, которые допускают возможность их превратного толкования. К сожалению, таковы ленинские формулировки, касающиеся соотношения марксизма и демократии, политики и морали, нравственности и социализма.

К такого рода неудачным формулировкам я бы отнёс и ленинское определение новой революционной государственности («диктатуры пролетариата»): «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» (т. 37, с. 245), исходящая в своей деятельности из «революционной целесообразности». Такое определение в сознании угнетённых (и в силу этого радикально, революционно настроенных, но политически «тёмных») людей, которых было немало в народных низах, однозначно будет истолковано, как оправдание полного и абсолютного произвола: если «никаких законов» нет, значит «всё позволено» и можно делать всё, что будет нами сочтено «революционной целесообразностью».

Тут – с учётом неразвитого сознания значительной части революционной массы – нужна другая формулировка содержания и задач «новой государственности». Да, новая государственность не может опираться на прежние законы. Она, действительно, не связана никакими законами ... *прежней* государственности. Но у неё должны быть свои, новые, законы, в рамках которых она и будет действовать. Да, поскольку новая государственность пробивает себе дорогу с помощью революционного насилия, то она не может не применять насильственные методы («непосредственное насилие!»). Но у этого насилия тоже должны быть свои нормы, принципы, пределы, ограничения - дабы оно не превратилось в абсолютный произвол. И эти принципы, нормы, пределы, ограничения должна установить новая, революционная государственность. Да, эти принципы будут ставить во главу угла «революционную целесообразность». Но содержание этой «целесообразности» тоже должно определяться не произвольными решениями того или другого политика (которые могут быть эмоциональными, субъективными, наносящими вред революционным преобразованиям), а тщательно продуманными, взвешенными, демократически обсуждёнными решениями институтов этой самой «новой государственности». И, следовательно, нужно искать формулировки и лозунги, которые отражали бы всю *сложность* задач, стоящих перед революционным народом. Иначе добрые намерения обернутся Большой Бедой.

Итожим: ленинские определения соотношения нравственности и революции, политики и морали, содержания «новой государственности» следует отнести к тому, что мы назвали «мёртвой водой», и потому они не могут и не должны входить в состав современных социально-преобразовательных теорий.

И ещё одна струя «мёртвой воды» в большевизме: обожествление партии и её решений.

Вы только посмотрите, что говорят и пишут виднейшие соратники Ленина, которых Владимир Ильич прочил в «наследники». Это же невозможно читать!

Лев Давидович Троцкий (в мае 1924 года, на XIII съезде партии): «Партия в последнем счёте всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала» [XIII съезд, 1963: 158]. Вот так готовился править Лев Давидович. Товарищ Сталин подписался бы тут под каждым словом!

Николай Иванович Бухарин («ценнейший и крупнейший, теоретик партии», по известной характеристике Ленина): «Дискуссия недопустима потому, что она расшатывает самую основу диктатуры пролетариата, единство нашей партии и её господствующее положение в стране, что она льёт воду на мельницу групп и группировочек, жаждущих политической демократии» [Геллер, Некрич, 1995: 217]. (О, какое страшное преступление – «жажда демократии»!). Джугашвили, готовя впоследствии кровавую расправу над Бухариным, хорошо воспользовался этими сентенциями «крупнейшего теоретика».

Лев Борисович Каменев (дублируя Троцкого): «Целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через неё, а не вне партии, вопреки ей» [Геллер, Некрич, 1995: 202].

И соглашаясь с ними, практик, «выдающийся менеджер» Сталин ставил борьбу с инакомыслящими «группировочками» внутри партии на почву практической политики, переходя от слов к делу: «Да, мы их арестовываем и будем арестовывать... Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа «рабочей правды»? Кому не известно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со

стороны Зиновьева, Троцкого и Каменева?» [Геллер, Некрич, 1995: 203]. Известно, конечно, известно, очень хорошо известно!

Вставить бы товарищу Сталину в компанию этой троицы ещё Алексея Ивановича Рыкова с его самодовольно-победительной репликой по адресу инакомыслящих в заключительной речи на XV съезде партии: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придётся в ближайшее время несколько увеличить» [Геллер, Некрич, 1995: 202]. Какая изящная ирония! И, конечно, под «бурные аплодисменты». Бедный, несчастный, недалёковидный, через десяток с небольшим лет расстрелянный за инакомыслие Алексей Иванович!..

Справедливости ради, следует сказать, что скоро, очень скоро эти товарищи (за исключением, разумеется, Сталина), поняли всю чудовищность этих своих высказываний и начали борьбу за демократическую атмосферу в партии, но поняли слишком поздно, когда исправить уже было ничего нельзя.

Ну, это всё же только «соратники» Ленина. У самого Владимира Ильича таких крайних высказываний не найдёте. Но всё же где-то близко к этому - позиция, занятая им на X съезде по вопросу о «Единстве партии».

«О единстве партии» - так называлась резолюция X съезда, активно защищавшаяся Лениным. В чём тут проблема?

Да, партия большевиков после Октябрьской революции была доминирующей политической структурой в России. Она завоевала право определять пути развития страны. Это бесспорный факт. Но как эффективно определять эти пути развития? Послеоктябрьская ситуация 20-х годов – трудная и сложная. Сам Ленин пишет о том, что многие старые теоретические концепции не работают и что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». А что же именно нужно «переменить» и как «переменить»? Как определить в новых условиях перспективу развития? Тут, естественно, необходима напряжённая работа всех теоретических сил. В ходе этой работы, в ходе поиска эффективных решений неизбежно появление разных предложений,

разных концепций. Неизбежны и дискуссии вокруг этих предложений и концепций. А как же иначе?

И вот именно в этот период, в этой ситуации «поиска» X съезд принимает решение «О единстве партии». Речь там идёт о запрете фракций, ибо фракции подрывают-де единство и сплочённость партии. На самом же деле это решение подрывало жизненность партии. Во-первых, «фракциями» можно было объявить (что постоянно впоследствии, при Сталине, и случалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения» цековского, направляемого Сталиным, большинства. А во-вторых (и это главное), в тех условиях «запрет фракций» был на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения

Заботились о «единстве». Но возникает вопрос: как и на чём это «единство» будет основано? На какой стратегии, на какой программе? Как вырабатывается стратегия, призванная обеспечить «единство»?

Реально это выглядело так. Узкий круг вождей (а, по сути, Ленин, когда он был во главе партии) разрабатывает эту стратегию и предлагает её партии. Ну, и что дальше? Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (как ведущие к созданию «фракций»), то идеи приходящей сверху стратегии принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей, того (как «фракционера») вышибают из партии.

Нелепейшая ситуация! А что если в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Ведь сам же Ленин криком кричал – при выработке нэповской стратегии: мы наделали массу серьёзных *ошибок*. И где же механизм их обнаружения, обсуждения и исправления? X съезд сделал всё, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин, увы, защищал это решение.

Вот так, ещё до прихода к власти сталинской команды, закладывались основы будущей Большой Беды. В стране – «диктатура пролетариата», всю её политику определяет целиком и полностью единственная в стране партия. Это означает (как

признавали сами партийные вожди) «диктатуру партии». «Диктатура партии» (поскольку в ней многоголосие, инакомыслие запрещены) превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы доминирующих в ней вождей, группа выдвигает главного своего лидера – рождается режим единоличной диктатуры. Так формируется печальной памяти цепочка: диктатура пролетариата – диктатура партии – диктатура политбюро – диктатура господствующей в политбюро группы вождей – единоличная диктатура Вождя (пресловутый культ личности!).

Справедливости ради, следует заметить, что решение X съезда о «Единстве» содержала некоторые оговорки и дополнения: возможность в непосредственной преддверии съездов проводить в узком партийном кругу нечто вроде «обсуждений» и «дискуссий», издавая некие дискуссионные листки. Да, и лидерство Ленина существенно отличалось от будущего сталинского культа. Ленин в большинстве случаев стремился и умел действовать убеждением, а не репрессиями. Он, критикуя ошибочные, по его мнению, позиции товарищей, постоянно подчёркивал значимость и заслуги критикуемых. Это была *товарищеская* критика.

Так, на XI съезде РКП(б) Ленин в «Заключительном слове по политическому отчёту ЦК РКП(б)» в пух и прах раскритиковал позиции Ларина, Осинского и Преображенского. И тут же, сразу после разносной критики, замечает. О Ларине: «В его преданности и знании дела и тени нет ни у кого сомнения», «он человек очень способный и обладает большой фантазией»; «эта способность чрезвычайно ценна» [Ленин, т. 45: 125]. Об Осинском: «У Осинского сильная его сторона – с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берётся. Надо сделать так, чтобы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана... Я думаю, что мы в ЦК приняли меры, чтобы сочетать его слабые стороны с сильными». [Ленин, т. 45: 123]. О Преображенском: «Он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремлённый на определённые рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят

разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону...» [Ленин, т. 45: 121].

При Сталине – другой подход. Иное мнение? Нарушаешь «единство»? – Исключение из политбюро, из ЦК, из партии, далее (нередко) – тюрьма, лагерь - расстрел.

В общем, резолюция X съезда производит тяжёлое впечатление. И всё же она содержала лишь *возможность* сталинизма, но не его *неизбежность*. Не исключено, проживи Ленин подольше, продолжи руководить партией, резолюция съезда была бы им смягчена, а потом и вовсе пересмотрена. Основанием для такого предположения может служить ленинская концепция нэпа, знаменовавшая отказ от экономической *диктатуры* и переход к экономической *демократии*.

Но как бы там ни было, резолюция эта была большой и несомненной ошибкой, закончившейся Большой Бедой – установившимся в 30-е годы диктаторским режимом.

Резолюция X съезда «О единстве партии» была той «мёртвой водой», от которой современная социально-преобразовательная теория должна решительно оградить себя. Подобные резолюции не могут иметь место в программатике современного демократического социализма. Ни под каким видом!

И, в заключение, - дополнение, диктуемое спецификой современного социального развития мира и России (как его составной части).

В чём суть этой «специфики», внесения каких дополнений в современную социально-преобразовательную теорию она требует?

Сегодня, в XXI веке, человечество вступает в принципиально Новую Социальную Реальность. Оно - у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым. Это переход: от истории **локального** развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках **глобализации**; от ситуации миро-человеческого **бессмертия** к

ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало **смертным** (т.е. способным уничтожить самое себя); от **«узко-социального»** мышления к **«ноосферному»**; от **антагонизма** либеральной и социалистической идеологий к их сближению и **конвергенции**; от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса **«очеловечивания»** мира и человека, как процесса освоения («присвоения») **каждым** индивидом всего богатства человеческой сущности. Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового Субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому Субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя Новые Цели и Новые Идеалы, определяя Новые Средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно придти Новое Мировоззрение, основной императив которого мы сформулировали бы так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания» - мировоззрение, отвечающее на вызовы социальной реальности XXI и провозглашающее в качестве главной задачи «Очеловечивание», должно быть по праву названо **Новым Гуманизмом** или **Неогуманизмом**.

«Бессмертный» ранее Человек мог, не терзаясь особенно сомнениями, произносить: «революции – праздник угнетённых», «насилие – повивальная бабка истории», «пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической революцией». Нынешний, «смертный», Человек остережётся, без ограничительных добавлений, бросать подобные лозунги, ибо «революционный праздник» может обернуться общечеловеческим пепелищем, а от иных «революций» могут «содрогнуться» не только «господствующие классы», но всё человечество. «Революции», как процесс коренных социальных преобразований, не уйдут в прошлое, но формы и характер их должны будут обрести более гуманные, более мирные формы.

И классовые интересы сохранятся, но борьба за их реализацию будет совмещаться с задачей учёта общечеловеческих, общемировых интересов и ценностей, подчинена им.

И «национальные интересы» стран и народов не исчезают, но они должны быть соподчинены с глобальными, общечеловеческими интересами.

И прежние идеологии (в первую очередь, наиболее значимые среди них – социализм и либерализм), не отбрасываются, не перечёркиваются, поскольку в них сохраняется некое живое содержание, целый ряд интенций, сыгравших серьёзную позитивную роль в истории человечества и способных ещё сыграть в будущем. Но они должны быть существенно преобразованы с учётом вызовов современного глобального развития и в преобразованном виде включены в корпус идей Новой Идеологии – идеологии Неогуманизма, этой мировоззренческой парадигмы XXI века.

А её идеологический, социально-политической эквивалент, сочетающий демократически-социалистические ценности и императивы гуманизма может быть назван (употребим знаменитую формулу Маркса) **Реальным Гуманизмом**.

Итоговая формула современной социально-преобразовательной теории, **Реального Гуманизма**, стало быть, будет выглядеть так:

Общественная собственность + частная

Социализм + капитализм (исключая олигархат)

План + рынок

Национальная экономика + зарубежные Концессии

+ Кооперация

+ Широкая политическая Демократия (НЭП + НПП)

+ Сопряжение политики и морали

+ Принципы неогуманизма (с приоритетом глобальных, общечеловеческих интересов).

«Реальный гуманизм» - это и есть современный социализм, устремлённый в Будущее!

Х Х Х

А закончить этот сложный разговор о ленинском наследии я хотел бы цитатой из блистательной «Рукописи о русской революции» Розы Люксембург. В ней автор выступает с откровенной, острой (а порой просто резкой) критикой недемократических аспектов стратегии возглавляемых Лениным большевиков. Но вот финал: «Нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях... Большевики показали, что они могут все, что только в состоянии сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей... Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного... В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттенем: «Я отважился!» Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее

повсюду принадлежит «большевизму» [Люксембург, 1991: 332-333].

Подписываюсь под каждым словом! С одним добавлением: «большевизму», освобождённому от «мёртвой воды» и дополненному идеями, отражающими современную реальность. И тогда традиционный «большевизм» превратится в теорию современного демократического социализма. Или шире – в современную социально-преобразовательную теорию, которая может быть названа теорией «Реального гуманизма».